
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ
ВОДА НА НИЖНЕЙ УЛИЦЕ
Тайны «Речных Ключей». Книга четвёртая
+0,70 м
+0,50 м
+0,30 м

Роман Штерн

Вода на нижней улице

https://litres.ru/74750612
SelfPub; 2026

Аннотация

Затяжной дождь затапливает нижнюю улицу «Речных Ключей». Шестеро находят ночлег в высоком доме Ларисы Сомовой, а утром её брата обнаруживают мёртвым в хозяйственной пристройке. По словам соседей, поздним вечером сухого пути туда уже не было. Восстанавливая события ночи, Аркадий Лунёв и Семён Круглов замечают: люди помнят разную воду, скрывают разные возвращения и слишком охотно принимают благодарность за доказательство невиновности. Четвёртая книга серии — о семейных тайнах, взаимопомощи и цене точного свидетельства.

Содержание

От автора 4
Глава 1. Нижняя улица 5
Глава 2. Шесть мест 21
Глава 3. Последняя отметка 39
Глава 4. Утро у пристройки 58
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Вода на нижней улице

От автора

У Вас наверняка немало дел, и я благодарен, что Вы решили уделить время этой книге. Для меня это не мелочь. От души желаю Вам удовольствия от чтения.

Глава 1. Нижняя улица

Первый горшок вышел из стопки вместе со вторым. Аркадий потянул сильнее, услышал хруст и остановился.

Между стенками раскрошилась земля. Он постучал по краю, повернул верхний горшок и освободил его. Оба были крепкие, с хорошими отверстиями в донышках. Такие выбрасывать незачем.

Он поставил их на скамью.

Для разбора приготовил три места: скамью — под нужное, деревянный ящик — под то, что можно предложить другим, старый поднос — для вещей, с которыми пока не знал, как поступить. На подносе уже лежали перчатки, шпагат и садовый фартук. Ящик был пуст.

Аркадий посмотрел на него и снова присел к нижней полке.

Теплица пахла сырой землёй. На крыше капли собирались в дорожки и срывались перед дверью; за последние дни вода промыла там канавку, которую теперь приходилось перешагивать.

На полке обнаружились ещё четыре таких же горшка.

— Все нужны, — сказал Аркадий и услышал, как это прозвучало.

Елена ставила сюда всё временное: осенью — что пригодится весной, весной — что мешало наверху. Доставать ве-

щи было неудобно. Он предлагал поднять полку, она соглашалась, но наверху к тому времени уже стояли помидоры, которые нельзя было тревожить.

Аркадий вытащил шесть совков. Сломанный отложил сразу, остальные вымыл над ведром, хотя собирался только разобрать. Вода затекла под манжету.

К следующим посадкам понадобятся два. Третий — запасной.

Четвёртый он вернул на место, потом вынул обратно. Не запасал ведь — просто знал, где тот лежал раньше.

В ящике наконец появились две вещи.

Коробку с надписью «ПРИЩЕПКИ, НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ» Аркадий достал целиком. Крышка провисла, внутри было сухо: зажимы для плёнки, бельевые прищепки, колышки. Предупреждение Елена написала после того, как он унёс похожую коробку к мусору, не заглянув под крышку.

Теперь заглянул — и всё равно поставил её на поднос целиком.

На телефоне высветилось: «25 сентября. Теплица — нижние полки». Аркадий погасил напоминание. Половина полки уже лежала на дорожке, проход занимало ведро.

— Вы там выйти сможете? — спросила Вера.

Она стояла у входа в зелёном плаще, со свёрнутой бумагой под мышкой.

— Если ведро убрать.

— Я не тороплю.

— Это и есть самое неудобное.

Он вынес ведро под навес. Вера вошла, но спрашивать о скамье, ящике и подносе не стала.

— Я насчёт воскресенья. Лидия Матвеевна разрешила взять для книг небольшой стол. Вы обещали помочь перенести.

— К десяти?

— Лучше к одиннадцати. Если перестанет лить.

— Занесём на веранду.

— У меня там бельё. Давайте оставим дождю право испортить нам планы.

На бумаге были размеры стола и расстояние между стойками навеса. Аркадий взял рулетку, отмерил ширину на полке.

— Пройдёт боком. Только книги сначала убрать.

— После той выставки я уже знаю: вы можете двадцать минут смотреть, как рабочие выносят стенд, и считать это частью программы.

— Они его неправильно повернули.

— Зато потом мы успели на набережную.

— Потому что пошли пешком.

В августе они дошли до старой пристани и обратно. Он всё проверял, не устала ли Вера, пока она не спросила, нет ли у него ведомости с положенными ей остановками. Расписания он в тот вечер больше не доставал.

— Что подержать? — спросила она.

Он показал на мешок с рассадными стаканчиками:

— Этот. Нижний край зацепился.

Они освободили мешок. Из прорехи выпали три стаканчика; Вера подняла их на полку.

— В ящик. Эти отдам. Если кому нужны.

— Нужны. Только сначала решите сколько.

Он отсчитал себе двенадцать, остальные оставил в мешке. Под фартуком лежали две рабочие рубашки Елены. Аркадий развернул одну: ткань хорошая, на манжете зелёная краска.

— Эти пока домой. Марину спрошу.

Вера отодвинула поднос от капель у двери.

— Тогда я пошла. Вы обедать собираетесь?

— После полки.

— У неё, кажется, другие планы.

После её ухода он закончил один пролёт: протёр доску, поставил шесть горшков вместо семнадцати, рядом — стаканчики. Едва не вернул на пустое место коробку с прищепками, но оставил на подносе.

Остальное можно было убрать после обеда.

***

В третьем часу, когда Аркадий собрался отнести рубашки в дом, позвонила Орлова.

— Вы на участке? Сможете подойти? По нижней улице звонки один за другим. Нужно понять, кому пока совет, а кому уже выезд.

— Что случилось?

— Вода к домам подошла. Где-то через дорогу течёт, где-то стоит. Антон пошёл смотреть своё ответвление. Службам сообщила.

Аркадий занёс вещи на закрытую веранду, вымыл руки водой из бачка и сменил куртку. На кухонном столе остались хлебница и чашка. Общие папки, которые прежде заняли бы весь стол, давно стояли в правлении. Он взял тетрадь и телефон.

По дороге дождь усилился. У решётки водоприёмника листья сбились в тёмную подушку; мужчина в сапогах снимал их граблями с сухой стороны.

В правлении Орлова говорила по телефону. Поверх журнала входящей корреспонденции лежал клочок с номерами участков.

— Нет, не весь массив. Нижняя восточная улица… Количество уточню. Машины могут подойти к верхней развилке, ниже не направляем.

Она показала Аркадию на стул и взяла другой телефон.

К папке с июльским макетом был прикреплён свежий лист. Аркадий узнал адреса, которые сверяли летом.

— От Нечаева? — спросил он, когда Орлова освободилась.

— Подтверждения. Три адресата получили, по остальным пока только отправка.

В уведомлении говорилось, что изображение, распространявшееся как историческая реконструкция северного подхо-

да, не подтверждает существование автомобильной дороги в показанном виде. Рядом лежали ответы получателей.

— Зарегистрировали?

— Утром. А «Контурный план» прислал картинку с новой подписью.

— Прежнюю подачу объяснили?

— Назвали уточнением проектного материала.

Аркадий отметил в рабочем перечне три подтверждённых получения. Отправка, получение, исправление — пока это были разные строки. Он положил лист в папку и закрыл её.

— Остальное в пятницу, — сказала Орлова. — Если будет пятница.

— Будет. Не обязательно свободная.

Вошла Зоя. С плаща стекло на пол.

— Коврик бесполезен, — объявила она. — У нижних заборов вода выше дороги. Прислали два снимка, только снято в разные стороны.

На одном была затопленная калитка, на другом — сухие ступени с полосой воды за ними.

— В одно время? — спросил Аркадий.

— Сообщения пришли подряд. Время съёмки ещё не уточнила.

Орлова подвинула ему номера участков:

— Сначала люди. Красоту воды потом сравните.

Антон позвонил через несколько минут.

— Нижнее ответвление отключаю. Вода подошла к вво-

дам, ждать нельзя. У высокого ряда питание останется. Передайте: к щиткам не лезть, удлинители через мокрый двор не тянуть.

— Башня? — спросила Орлова.

— Другая линия. Пришлю, что именно отключено. Не пишите «всё СНТ без света».

Аркадий записал и прочёл обратно.

— Да. И если лампа не горит, это не разрешение трогать провод. Проверять буду я.

Галина, отвечавшая людям с планшета у окна, набрала объявление. Лидия Матвеевна прочла и убрала из первой строки оставшееся слово «полностью».

— Надо поднять копию Т-17, — сказала Зоя. — Посмотреть, где старый водоотвод уходил к востоку.

— Она объяснит, почему сейчас стоит?

— Нет. Покажет, что тогда нанесли. Северный лист мы нашли, прочли. От нынешнего осмотра это не освобождает.

Она достала папку из шкафа и раскрыла нужный разворот. Знакомые линии и подписи теперь находились на месте, а не собирались по частям. За окном вода от этого не убывала.

— Земля уже не принимает, — сказала Зоя. — Третий день льёт.

— И канавы старые, — отозвалась Галина.

— Старые. А что именно задерживает воду сейчас, пусть смотрят специалисты. Не будем заранее выбирать виноватую

трубу.

Орлова опять сняла трубку.

К половине пятого стало ясно: нескольким людям сегодня не стоит возвращаться домой, даже если дождь прекратится.

***

Аркадий провёл на листе три столбца: кто едет, куда, чем. Время подтверждения добавил уже у ворот, под крышей сторожевой будки. Дождь заносило с дороги; бумагу приходилось придерживать локтем.

В 16:20 он согласился помочь до половины седьмого. Требовалось связать тех, кто мог подвезти, с теми, кто решил уезжать. Через двадцать минут одна машина задержалась в Вересове, в другой осталось единственное место, а женщина, собиравшаяся к сыну, сообщила, что сын на работе и не отвечает.

Связь была. Согласованных решений не хватало.

Орлова передавала сведения службам. Спасатели работали ниже, куда легковые машины уже не пускали. На верхней развилке помогали людям пересесть и возвращались за следующими.

Водитель серой машины открыл багажник.

— Два места. Только не на вокзал, мне в другую сторону.

— До городской больницы?

— До остановки рядом могу.

Аркадий сверился с листом, позвонил женщине с соседней улицы.

— Вас встретят у больницы?

— Сейчас дочери скажу.

— Пусть сначала подтвердит. Машина пока здесь.

За воротами Семён разговаривал с мужчиной в старой куртке путевого рабочего. Аркадий помнил их вместе на ремонте общего забора. Теперь мужчина держал сумку обеими руками и смотрел мимо.

— До развилки провожу, — предложил Семён.

— Я дойду.

— Там край размыло.

— Мне показали.

Семён опустил руку. Мужчина прошёл мимо него, поздоровался с Аркадием и встал у машины.

После опубликованного рассказа с Семёном разговаривали по-разному. Этот человек даже не спросил о свободных местах, пока тот стоял рядом.

— Семён Ильич, можете пока… — начал Аркадий.

— Я вниз вернусь.

— Там людей выводят.

— Знаю. У поворота побуду с теми, кто ждёт. По воде не полезу.

— Сухую куртку принести?

— Позже. Лучше выясни, куда Аллу с сыном устроить. Они в город не собирались.

Он подтянул ремень сумки и пошёл к развилке, не дожидаясь поручения.

Позвонила Марина.

— Пап, я через час могу быть у вас. В багажнике место есть. Что привезти?

— Ты откуда узнала?

— Из твоего сообщения. Ты же написал: помогаю с выездом, нижнюю улицу топит.

Он помнил, что написал. Не привык ещё, что этого иногда достаточно.

— Сухие носки. Несколько пар. Лишние полотенца, если есть.

— Есть. И твои брюки возьму. Где встречаться?

— На верхней развилке. К нижним воротам не спускайся, пришлю точку.

— Кого потом в город?

— Возможно, одну женщину до сестры. Уточню. Без мебели.

— Хорошо. Ты до скольких?

— Пока до половины седьмого. Сам на верхней дороге, в воду не хожу.

— В половине седьмого всё равно созвонимся. Даже если я уже уеду.

— Договорились.

Он отправил место встречи. Женщина у серой машины наконец получила ответ дочери. Водитель переложил с заднего сиденья покупки, помог поставить сумку и уехал.

Подошёл Вадим Зубов — плотный мужчина в мокрой вет-

ровке, с рулоном одеял. Аркадий знал его по соседским ремонтам и переносам сроков: то запчасть не приходила, то заказчик передумывал.

— Мать на развилке. Семён Ильич с ней посидит. Можно это под крышу?

— На скамью, не на пол.

Вадим положил рулон.

— Мне ещё в мастерскую надо.

— Зачем?

— Забрать кое-что.

— Сначала людей вывезем, потом вещи.

Вадим посмотрел на него, словно Аркадий загородил ему собственную калитку.

— Я у вас машину под шкаф не прошу.

— Я не про шкаф.

— А я не сказал, за чем иду.

Аркадий хотел объяснить, что сейчас не время спорить о ценности имущества, но остановился. Он действительно не знал, что оставалось в мастерской.

— Транспорт для людей, — сказал он после паузы. — А вниз — только по разрешённому подходу. Спросите у спасателей. Я проход не определяю.

— Спрошу.

— Мать куда согласна?

— К Ларисе Николаевне, если возьмёт.

Аркадий записал Зубовых с краю листа, пока без адреса

размещения.

На развилке Семён помогал незнакомой женщине застегнуть сумку. Из неё торчала коробка в пакете. Он держал края, пока женщина убирала ручки внутрь.

— Я вас не знаю, — сказала она.

— Круглов. Семён Ильич.

— А я Тамара. Не уходите пока, хорошо?

— Не уйду. Эту ручку под коробку. Вот так.

Он подержал сумку ещё немного, хотя застёжка уже сошлась.

У машины спасателей мужчина с мебельной тележкой просил съездить за холодильником.

— У вас все вышли? — спросил сотрудник.

— Жена здесь. Но он новый.

— Понимаю. Сейчас забираем людей. Технику потом, если обстановка позволит.

Мужчина остался у тележки, мокрый и злой. Аркадий не подошёл убеждать его, что холодильник — пустяк. Новый холодильник мог быть большой потерей. Просто машина уже разворачивалась за другой семьёй.

К шести дождь сделался ровнее и тяжелее. С козырьков текло сплошной бахромой. Галина позвонила: один из предложенных в чате адресов для ночлега хозяин не подтверждал. Сосед увидел свет и решил, что там могут принять.

— Убрала. Написала: только после согласования. Уже спрашивали, сколько там кроватей.

— У Веры сам уточню.

— Она сможет?

— Узнаю.

Вера ответила почти сразу; за её голосом слышалось, как двигают мебель.

— Двоих. На эту ночь, завтра решим дальше. Диван и раскладушка. Сухую одежду пусть возьмут, если есть.

— Марина везёт вещи и полотенца.

— Хорошо. Только не присылайте тех, кому нужна постоянная медицинская помощь. Я не справлюсь.

— Этим занимаются службы.

— Тогда двоих. И котлов еды у меня нет. Суп есть, хлеб есть.

— Я хлеб принесу.

— Не надо специально идти. У вас своя работа.

Он записал два места на участке №45, сообщил Орловой и лишь после этого позвонил людям.

Лариса Николаевна Сомова тоже передвигала мебель. Попросила подождать; в трубке послышался скрип и женский голос: «Не туда, мама, к окну».

— Слушаю, Аркадий Сергеевич.

— Зубовы спрашивают, можно ли к вам на ночь. Алла Викторовна и Вадим.

— Можно. Аллу ко мне в комнату, там теплее. Вадима в большую. Ксения тоже звонила, я сказала приходить.

— Трое гостей?

— Да. Я, Полина и брат — свои. Глеб сегодня приедет, он ещё до дождей собирался.

— Всего шесть.

— Шесть. Только постель не разложена. На полу коробки и всё, что снизу подняли.

— Электричество есть?

— Есть. Дом высоко, пока сухо. Антон сказал, наша линия остаётся. Мне бы с матрасами помочь, Полина одна не повернёт.

До половины седьмого оставалось двадцать минут.

— Если здесь сменят, подойду. Свяжусь с Лидией Матвеевной.

— Сразу не обещайте. Я понимаю.

Дочь опять что-то спросила, и Лариса положила трубку.

Марина приехала с двумя сумками. Аркадий перенёс их под навес и показал женщину, которую нужно отвезти в город. Та держала телефон с адресом сестры.

— Твои брюки в синем пакете, — сказала Марина. — Переоденься, когда закончишь.

— У меня ещё одна смена получается.

Она посмотрела на лист.

— До скольких?

— Не позже половины одиннадцатого. Помогу устроиться в двух домах. Здесь Галина сменяет.

— Напиши, когда домой пойдёшь.

— Напишу.

Марина поправила ему вывернувшийся воротник и убрала руку, не задерживая возле машины.

К половине седьмого Аркадий передал транспортный лист Галине. Объяснил три незаконченные строки: кто ждёт ответа родственников, кого забрали, кому перезвонить. Она повторила по порядку и исправила фамилию, записанную на слух.

Из правления подошла Орлова.

— К Сомовой пойдёте?

— Да. Потом к Вере. До половины одиннадцатого, дальше нужен другой человек.

— Записала. Только тяжёлое вдвоём с Полиной не носите. Найдём, кому поднять.

— Мне сначала понять, куда ставить.

— Это вы умеете.

Он не стал спорить.

В теплице остались горшки и пустое место на нижней полке. Рубашки Елены лежали на веранде; коробку с прищепками он так и не разобрал. Утреннего часа на всё не хватило. Теперь не хватит и дня.

Аркадий убрал тетрадь в пакет и набрал Ларису.

— Иду к вам. На шесть мест сколько постельных комплектов готово?

— Пока два. Остальное надо достать.

К восемьдесят шестому участку вела верхняя дорожка. Он пошёл по ней, обходя воду у заборов. Сухой дом согла-

сились открыть; теперь предстояло сделать так, чтобы в нём можно было лечь спать.

Глава 2. Шесть мест

У калитки Аркадий уступил дорогу мужчине с двумя канистрами. Тот прошёл боком, зацепился рукавом за мокрую сетку.

— Только не закрывайте. У меня там ещё имущество.

Под козырьком соседского забора стояла дорожная сумка; рядом дожидалось такси с открытым багажником. Аркадий придержал калитку, потом перенёс сумку на крыльцо. Снизу с неё текло.

— Это не надо было, — сказал мужчина. — В Вересове была ручная кладь, здесь уже водяной балласт.

Он опустил канистры на ступень, вернулся к машине за плоским пакетом с документами и спрятал его под куртку. Таксист начал осторожно разворачиваться.

Из дома вышла Лариса.

— Глеб, я же просила позвонить от поворота.

— Звонил. Ты не взяла.

— Руки были заняты.

— Поэтому приехал сам. Не забирать же меня обратно.

Лариса придержала дверь плечом.

— Питьевую на кухню. Аркадий Сергеевич, проходите. Это брат мой, Глеб Николаевич. Мы ещё на прошлой неделе договорились. Тогда тут можно было без сапог.

— Лунёв.

— Ерёмин.

Ладонь у Глеба была холодная, с глубокой полосой от ручки канистры. Он выглядел моложе сестры, хотя виски уже совсем поседели.

— Давайте одну возьму, — предложил Аркадий.

— Лучше дверь. У неё характер.

Дверь возвращалась сама, пока Лариса не подставила резиновый клин.

В прихожей пахло свежей древесиной и мокрой обувью. Вдоль стены лежали скрученные дорожки, на табурете стоял таз с перчатками. За широкой дверью виднелась большая жилая комната, направо уходил коридор. Дом был просторный, но сейчас проходить приходилось друг за другом.

Женщина в серой футболке тянула к стене журнальный столик.

— Полина, оставь. Глеб приехал.

— Вижу. Здравствуй, дядь Глеб.

Она обняла его одной рукой и отступила.

— Ты насквозь мокрый.

— Пока до рубашки. Сумка дальше продвинулась. Куда это?

Он приподнял канистру. Полина показала под окно.

— Только не обе сразу. Там плинтус отходит.

— Под окном стол будет, — возразила Лариса.

— Стол уже здесь.

— Этот — здесь, а маленький…

— Мама, маленький мы только что убрали, чтобы Алла Викторовна прошла.

Лариса посмотрела на столик, ножка которого ещё стояла у её тапки.

— Тогда возле холодильника.

Аркадий снял куртку. С рукава закапало на сложенный плед; Полина сразу забрала его.

— Вот поэтому я не хочу стелить здесь. Дверь открывают каждые пять минут.

— Я сказала: пока положи.

— А потом это будет мокрая постель.

Аркадий переставил таз под куртку.

— Где сухую собирать?

Лариса повела его в большую комнату. У окна стоял диван, напротив — коробки с посудой, банки и высокий свёрток в плёнке. На кресле лежала разобранная раскладушка.

— Тут трое. Алла в моей комнате, я рядом. Полина на своей кровати.

— Алла Викторовна на твоей? — уточнила Полина.

— Конечно.

— А тебе что?

— Придумаем.

— Мы сейчас и придумываем.

Лариса потёрла щёку.

— Кресло разложим. Оно пока в коридоре.

— Посмотрю, как вынести, — сказал Аркадий. — Только

что здесь можно двигать?

— Здесь всё. В спальне комод не трогайте, плохо держится. В комнате Полины — как она скажет. Мою дверь в конце коридора пока закройте: там личное и лекарства. Кому понадобится, я достану.

Аркадий кивнул. Работы хватало и без чужих шкафов.

Глеб внёс сумку; документы в прозрачном пакете лежали поверх вещей.

— Мне куда?

— В большую.

Он оглядел коробки.

— Это ещё большая?

— Была, пока дождь не начался.

Полина засмеялась и освободила для сумки сухой стул.

Первым взялись за диван. Глеб поставил свёрток в плёнке вертикально, но тот сразу повалился.

— Ковёр, — пояснила Полина. — Внутри ещё один.

— Два ковра, которые не могут постоять друг за друга.

— Под окно положите, — сказала Лариса.

— Там канистры хотели.

— Уже не хотели.

Вдвоём с Аркадием они уложили свёрток на пустые коробки, чтобы не касался пола. Глеб выпрямился, посмотрел на часы.

— Ларис, нам бы потом поговорить.

— Потом. Сейчас Аллу надо привести.

— Только не совсем ночью.

— Я слышу.

Полина развернула раскладушку. Ножка не вошла в паз и стукнула о пол.

— Придержать? — спросил Аркадий.

— Здесь перекладину сначала.

Она поправила крепление, нажала ладонью.

— Теперь можно матрас.

***

За постелью пошли через кухню. В узкой бельевой уже стояли два матраса: один ребром, другой согнутый у шкафа. Полки до потолка занимали полотенца и корзины. В дальней стене была обычная дверь с застеклённой верхней половиной.

— Этот сразу вынесем? — Аркадий взялся за ближний матрас.

— Сначала банки уберём, — сказала Лариса. — А то на пол положите, там ещё в обуви ходят.

— К задней двери не пройти.

— Бочком можно.

Она подвинула корзину ногой, протиснулась между шкафом и матрасом и открыла дверь. Потянуло мокрой землёй.

Вдоль западной стены шла приподнятая полоса плит. Дождь попадал сюда косо; под свесом крыши оставались светлые участки. Впереди стояла хозяйственная пристройка.

— С тележкой отсюда проще, — сказала Лариса. — С дру-

гой стороны ниже, колесо к канаве уходит.

Глеб глянул за край плит.

— До двери метров десять?

— Девять, — ответила Полина из бельевой. — Когда шланг покупала, мерила. И всё равно короткий взяла.

— Девять?

— Десять. Не учла, что он ещё к крану поднимается.

— Зато точный замер.

— Я знала, что тебе понравится.

Аркадий поставил корзину обратно и вышел последним. Разминуться на полосе можно было, прижавшись к стене. Главный дом занимал высокую западную часть участка; к востоку двор заметно опускался. Там от передней калитки тянулась низкая наружная дорожка. Вода уже стояла вокруг плит, но края ещё различались.

Лариса открыла моечную, включила свет.

У стены был стол с тазами, рядом — широкая пластиковая ёмкость с дождевой водой. Крышка стояла на ребре; сверху входила труба водосбора. Высоко под потолком лежали подушки, прикрытые чистой простынёй.

Глеб поставил пустой ковш возле ёмкости.

— Канистру этой ополоснуть можно?

— Для питьевой бери из канистры. Здесь дождевая: полы, обувь, стирка. Не пьём.

Лариса провела рукой под полкой.

— Сухо. Подушки пока оставим. В доме ещё кто-нибудь

сядет.

Она отодвинула засов второй двери и приоткрыла её. За порогом начиналась низкая восточная дорожка; с крыши падало прямо перед ступенью.

— Отсюда длинное удобнее заносить, а сегодня лучше через заднюю.

Аркадий прикрыл дверь, не запирая засов. Глеб снял с лавки одеяло.

Рядом стояла небольшая тележка с четырьмя колёсами и глубокой нижней секцией под откидной крышкой. Сверху лежали бельевые корзины. Аркадий попробовал убрать одну вниз.

— Не войдёт, там узко, — остановила его Лариса. — Наверх поставьте. Внизу тряпки держу, чтобы по двору не собирать.

Глеб повернул тележку и щепкой снял глину с колеса.

— Заедает?

— Нет. Только прямо веди, не боком.

— Я ещё никуда не вёл.

— А заранее нельзя сказать?

Полина принесла наволочки.

— Вот сухие. И халат надень, иначе опять промокнешь.

За дверью висел сине-серый рабочий халат из непромокаемой ткани. Лариса накинула его поверх кофты; застёжки пришлось искать под складками.

— Внутри карман? — спросил Глеб.

— Один.

— Удобно.

— Особенно когда шпатель забыли вынуть, — сказала Полина. — Я осенью в нём присела и чуть не получила производственную травму.

— Не надо в моих карманах сидеть.

— Ты сама дала, когда потолок смывали.

Полина расправила матери воротник. Одеяла и тонкие наматрасники погрузили на тележку; верхний свёрток Лариса сняла — мог задеть косяк.

— Два раза сходим.

По западным плитам тележка прошла легко. У задней двери остановилась: мешал матрас в бельевой.

— Теперь бочком не получится, — сказал Аркадий.

Лариса потянулась его сдвинуть, но на кухне зазвонил телефон.

— Аллу выводят. Пойду к повороту, там ступенька, она испугается. Полина, покажешь простыни. Матрасы пока оставьте, только тележку протащите.

— Можно один сразу в комнату, — предложил Аркадий.

— Там банки.

— Я уберу, — отозвалась Полина.

— Не под кровать. Утром искать никто не станет.

Лариса ушла через кухню, натягивая капюшон. Глеб проводил её взглядом и подал Аркадию верхний свёрток.

— Разгрузим. Так легче.

Матрас прижали к шкафу, провезли тележку и вернули его на место. Аркадий хотел предложить закончить сразу, но спросил Полину:

— Что первым освободим?

— Место у дивана. Коробки в кладовую. Только банки не наклонять, крышки старые.

Глеб брал тяжёлое, Аркадий раскладывал то, что можно поднять одному. Простыни оказались разного размера; у одной так истончилась середина, что просвечивал рисунок ковра.

— На ночь хватит, — сказал Глеб.

Полина растянула ткань между пальцами.

— Человек проснётся в дыре и будет думать, что испортил. Другую возьму.

Аркадий сложил старую отдельно. На его веранде лежали рубашки Елены, о которых ещё предстояло спросить Марину. Здесь же выбирать было просто: вещь либо годилась для человека, либо нет.

***

Чуть позже семи вернулась Лариса. С нею были Алла Викторовна и Семён.

На одной ноге у Аллы был сапог, на другой — резиновый ботинок без шнурка. Она держалась прямо, стараясь не смотреть вниз.

— Ступень, — сказал Семён. — Теперь ещё одна. Всё, ровно.

— Я вижу.

— Хорошо.

Он не убрал руку, пока она сама не отпустила рукав.

Лариса сняла с Аллы капюшон.

— Садись.

— Я вам натеку.

— На плитку. Для этого лежит.

— Я бы сначала…

— Сначала сядь.

Алла послушалась. Полина принесла полотенце, Лариса — шерстяные носки.

— Не те, что колются, — предупредила Алла.

— Знаю. Те ты в прошлом году завернула назад.

— Я сказала, что хорошие, но…

— Хорошие, но мне носить. Ногу давай.

Семён поставил мокрую обувь на поднос и сел сбоку. Алла ещё дрожала, пряча руки под полотенцем.

— Вадим идёт?

— Идёт. За сумкой остался. До нижнего угла не полез.

— Он всегда говорит, что не полез.

Лариса стянула ботинок. Носок прилип к пятке; она осторожно подвернула край и подождала. Аркадий подал полотенце.

— Спасибо. Чайник включите, пожалуйста. Справа.

Он поставил воду, распаковал сухие вещи. Два полотенца оставил здесь, остальные — в пакете для Веры. Глеб принял-

ся резать хлеб коротким ножом; ломти получались с уступом.

— Нормальный дать? — спросила Полина.

— Уже половину победил.

Алла подняла голову:

— Ларис, я хоть чашки помою.

— Мы ещё не пили.

— Потом. Не могу я просто сидеть.

Лариса положила ей на колени чистое полотенце и ложки.

— Тогда вытри. С деревянной ручкой не замачивай.

Алла взяла первую. Дрожь оставалась, но теперь можно было не прятать руки.

Вадим пришёл с сумкой и курткой через плечо. Остановился, увидев мать в сухих носках.

— Нормально?

— Нормально. Ты сам где был?

— Там же. Сумку забрал.

Глеб отложил хлеб.

— Здравствуй, Вадим.

— Здравствуйте.

Вадим поставил сумку у стены и стал расстёгивать пустой карман куртки.

Лариса повела Аллу смотреть комнату. Полина пошла впереди убрать с кровати вещи. Семён остался за столом; Аркадий наливал кипяток в заварочный чайник.

— Сообщение видел? — негромко спросил Глеб.

Вадим посмотрел на дверь.

— Видел. Отвечу.

— Уже отвечал. В августе.

— Не самый подходящий день.

— Для перевода — может быть. Для ответа вполне.

Вадим сжал молнию между пальцами.

— Оборудование работает. Я не на прогулки его брал.

— Мы срок договаривались менять вместе, а не после того, как он прошёл.

— Будет работа — будут деньги.

— Работа у тебя есть.

Аркадий налил лишнее. Поставил чайник и вытер стол. Вмешиваться было не с чем; даже суммы он не знал.

— Я сам вам позвоню, — сказал Вадим.

Глеб помолчал.

— Хорошо. Сам.

Из комнаты позвала Полина:

— Тяжёлый надо подвинуть. Вдвоём.

Вадим сразу пошёл к ней. Глеб вытер руки и последовал за ним.

— Чаю? — спросил Аркадий Семёна.

— Только не полный. Мне обратно.

— Ждёт кто-нибудь?

— У поворота. Машина должна прийти, человек нервничает. Обещал вернуться.

— Здесь вам места не считать?

Семён посмотрел поверх чашки.

— У себя ночую. Пока мой дом разрешает.

Он выпил немного и поднялся. Алла уже не дрожала. Семён заглянул к ней, сказал, что уходит, и забрал свою палку.

В комнате Глеб и Вадим вытаскивали тяжёлый складной матрас, зажатый между диваном и стеной.

— На себя, — сказал Глеб.

— Держу.

— Вижу. Теперь поворачивай.

Когда угол стал выскальзывать, Глеб подхватил его снизу.

— Не перехватывай в воздухе. Сначала поставим.

Они прислонили матрас к стене. К разговору о деньгах больше не возвращались.

Ксения пришла в темноте, с небольшой сумкой на длинном ремне и пакетом с тапочками. Долго вытирала подошвы, хотя Лариса дважды велела входить.

— Я на одну ночь.

— Все на одну. Завтра посмотрим.

— Если тесно, спрошу у знакомой.

— Ты уже спросила у меня. Заходи.

Аркадий взял мокрый зонт. Сумку Ксения не отдала, подтянула ремень выше.

— Ксения Романовна? — уточнил он.

— Да. Осокина.

— Лидии Матвеевне сообщу, что добрались и здесь остаётесь.

Она кивнула. Глеб поднял глаза от телефона.

— Здравствуйте, Ксения.

— Глеб Николаевич. Добрый вечер.

Лариса дала ей полотенце, указала на стул. Ксения села, не сняв сумки с плеча, и посмотрела на настенные часы в потемневшем деревянном ободке.

— Я думала, вы их выбросили.

— Зачем? Идут.

— В квартире отставали.

— После батарейки перестали.

— Мы меняли.

— Значит, не ту ставили.

Ксения слабо улыбнулась.

— Там висели? — спросила Полина.

— На кухне, над дверью. Перед работой всегда смотрела и всё равно проверяла по телефону.

— Ксения у нас квартиру снимала, — пояснила Лариса Аркадию. — Пока не продали.

Глеб положил телефон экраном вниз.

— Вот о квартире я и хотел…

— Не при гостях.

Лариса не повысила голоса. Ксения потянулась к чашке; ремень натянулся на плече. Полина поправила ровную стопку тарелок.

— Я только спросить, когда, — сказал Глеб.

— Когда закончим укладывать людей.

— Договорились.

Из спальни донёсся стук: Алла пыталась закрыть ящик тумбочки. Лариса пошла помочь.

— Я к этим часам привыкла, — сказала Ксения Полине. — Боялась перед выездом снять свои, а эти забыть.

— Хорошо, что не сняли. Мама бы заметила.

Глеб усмехнулся, но ничего не добавил.

К половине девятого в тетради Аркадия стояли отметки возле шести имён: Лариса, Глеб, Полина, Алла, Вадим, Ксения. Все прибыли. С постелью выходило сложнее.

Алле нужна была высокая кровать, с пола ей тяжело вставать. Лариса собиралась лечь рядом в раскладном кресле, Полина оставалась в своей комнате. В большой диван отдавали Глебу, раскладушку — Ксении, матрас — Вадиму. Но Вадим, посмотрев на расстояние между диваном и окном, сказал, что задохнётся.

— Приоткроем окно, — предложил Аркадий.

— Тогда на меня тянет, — возразила Ксения.

— Я у двери лягу, — сказал Вадим.

— Там ходить будут.

— Я некрепко сплю.

Глеб стоял у дивана и молчал. Аркадий начертил на полях тетради расположение мест. Если передвинуть матрас к другой стене, не хватит прохода. На кухне свободнее, но ночью сюда придут греть воду, включат свет…

— Не надо больше чертить, — сказала вернувшаяся Ла-

риса. — Вадим у двери, когда перестанем носить. Ксения у окна, только головой сюда. Глеб на диване. Ночью неудобно будет — поменяемся.

— А ваше кресло?

— Перенесём к Алле.

— Я не хочу выгонять тебя с кровати, — донеслось из спальни.

— Ты не выгоняешь. Я тебе её даю.

Алла умолкла.

Полина стояла в кухонных дверях с телефоном. Прочла сообщение, набрала ответ и стёрла.

— У тебя дома всё закрыто? — спросила Лариса.

— Закрыто.

— Тогда больше никуда не ходи.

— Мам, я здесь.

— Вижу. И прошу здесь оставаться.

Полина убрала телефон в карман, посмотрела на мокрые ботинки. Вадим уже второй раз подходил к окну, откуда был виден верхний поворот. Ксения поставила сумку под ноги и придерживала ремень носком тапочки.

Аркадий закрыл тетрадь. Шесть отметок означали только то, что все добрались до этого дома.

Лариса проверила полотенца, принесла Алле очки, достала Ксении сухой свитер. Вернувшись на кухню, отрезала край хлеба — первый, который Аркадий видел у неё за вечер, — и съела стоя над тарелкой.

— Вы бы сели.

— Сейчас.

— Я к Вере Андреевне, проверю, что там нужно. Потом ещё подойду. Матрасы в бельевой пока оставим?

— Да. Пол освободим, вытрем. Вы уже помогли.

— Они задней двери мешают.

— Помню. Не забудем.

Без четверти девять Аркадий отправил Орловой сообщение: все шестеро на месте, питание есть, постель устраивают; дополнительных людей — только после нового согласования. Показал экран хозяйке. Лариса прочла и кивнула.

Глеб вышел в прихожую за сухими носками. Пакет с документами переложил на верхнюю полку шкафа, подальше от мокрых курток.

— Ещё придёте? — спросил он.

— Приду.

— Тогда и я пока никуда. Лариса обещала, здесь бывает тихо.

Из комнаты отозвалась сестра:

— Бывает. Когда перестают спрашивать, когда.

Глеб застегнул сумку.

— Значит, подождём.

Аркадий надел куртку, ставшую холоднее, но не суше. Полина освободила рукав, зажатый чужим дождевиком, подала пакет с полотенцами для Веры.

С крыльца он оглянулся. Алла всё-таки дошла до кухни со

стопкой вытертых ложек. Лариса стояла рядом; Ксения подвинула стул, Вадим принял у матери ложки, Глеб убрал с прохода канистру. На минуту всем нашлось небольшое общее дело.

Аркадий прикрыл дверь и пошёл верхней дорожкой к сорок пятому участку. У Ларисы было шесть мест. Прежде чем на них можно будет лечь, предстояло закончить ещё немало разговоров — и не все касались постели.

Глава 3. Последняя отметка

Пакет с полотенцами пришлось поставить на порог: дальше лежал чужой дождевик. Аркадий поднял его за плечи. Из капюшона вылилась вода.

— В таз, — сказала Вера из кухни. — Только не в этот. Этот для сухих носков.

Тазы были одинаковые, голубые. В одном лежала газета, в другом — носки, завёрнутые в полотенце.

— Надо подписать.

— Через час разберём. Подписывать не надо.

Повесить куртку было некуда. Вера приняла её и отнесла на веранду, а Аркадий снял ботинки, стараясь не задеть ведро под мокрыми рукавами.

За столом сидела женщина, которую днём привезли с нижней улицы. Она держала чашку обеими руками. Диван уже разложили, но постель закрывали два больших пакета.

— Это убрать?

Женщина потянулась к ближайшему.

— Я сама.

— Поставлю у стены.

— Там банка. Не наклоняйте.

Сквозь пластик проступили плечики трёхлитровой банки.

— Огурцы? — спросила Вера.

— Закваска. Дочь оставила. Ей нельзя замерзать.

Вера указала место возле внутренней стены.

— Здесь будет нормально. Только не у обогревателя.

Аркадий вынул полотенца.

— От Ларисы Николаевны. Четыре больших, два поменьше.

— Два оставьте здесь. Остальные на стул.

— Можно сразу распределить. Большие на постели, маленькие отдельно. Мокрые вещи лучше собрать на веранде, обувь возле двери…

— Аркадий Сергеевич. Обувь возле двери я уже оставила. Там теперь не пройти.

— Тогда вдоль стены.

— Вдоль стены раскладушка.

Женщина встала.

— Я могу на диване сидя. Вы из-за меня не переставляйте.

— Вы будете лежать, — сказала Вера. — А он сейчас положит полотенце.

Аркадий положил. На обычном чайном столе стояли кастрюля, хлеб, лекарства в заводских коробках, чужой телефон с зарядным проводом. Верин блокнот торчал на верхней полке между книгами. Её рабочее место исчезло за один вечер.

— Чем помочь?

— Раскладушку развернуть. Ножки не до конца раскрылись. Потом покрывало с веранды. Коричневое, без бахромы.

Он присел, освободил зажатую распорку. Женщина подошла придержать край.

— Не надо, — сказал Аркадий.

Она всё равно взялась.

— Так спокойнее.

Он не стал отнимать у неё эту небольшую работу.

В дверь постучали. Семён вошёл боком, пропуская вторую гостью — в мужском пальто поверх домашнего халата и резиновых сапогах.

— Машина дальше не пошла, от поворота пешком. Сумка лёгкая.

— Сначала пальто снимайте, — сказала Вера.

— Оно не моё.

— Сушить можно и чужое.

Женщина улыбнулась, но пальцы не попадали в петлю последней пуговицы. Семён подождал, потом принял пальто.

— На веранду, через перекладину, — распорядилась Вера. — И всё мокрое в комнату больше не заносим. Свет в коридоре оставлю. В мою спальню стучите. До утра устроимся, завтра решим дальше.

— Я постараюсь не мешать.

— Ночью придётся мешать. Нас трое, а кухня одна.

На веранде Семён выжал край кепки над ступенью. Аркадий снимал с кресла покрывало.

— Там опять вниз пошли, — негромко сказал Семён.

— Кто?

Тот назвал участок. Аркадий вспомнил строку в переданном Галине листе.

— Их же забрали. Я сам отмечал.

— Забрали.

— Снова машина нужна?

— Пока не просили.

— Мы людей вывозим, они возвращаются.

Семён расправил кепку на колене.

— Ты отметил, что довезли. А не что они больше ничего не захотят.

— Там вода.

— Я видел.

Это прозвучало без вызова. Семён действительно видел больше нижней улицы, чем Аркадий, последние часы занимавшийся сухими комнатами.

— Если человек пошёл туда, где уже нельзя, нужно сообщить.

— Если узнаю, что полез куда нельзя, сообщу. Сейчас знаю, что вернулся за своим. Не надо по всей улице спрашивать, за чем.

— Мне не содержимое сумки нужно.

— Тогда про сумку и не спрашивай.

Из кухни донёсся вопрос: можно ли поставить будильник на шесть? Женщина привыкла принимать таблетку и боялась проспать.

— Ты у Сомовой ещё будешь? — спросил Аркадий.

— Если позовут. Но ночую дома. Я тебе говорил.

— Помню.

— У тебя лицо такое, будто сейчас мне место найдёшь.

— Мест нет.

— Вот и хорошо.

Аркадий застелил раскладушку. Семён поставил сумку новой гостьи так, чтобы она могла достать её, не вставая. Про нижнюю улицу рассказывать не стал. Вере сообщил только, что у поворота остаётся дежурная машина и связь с Галиной есть.

Провожая Аркадия, Вера подала ему куртку.

— Внутри ещё сухая. Вы ели?

— У Ларисы хлеб был.

— Это не совсем ответ.

Она завернула в салфетку два ломтя с сыром.

— На улице не ешьте. Сядьте где-нибудь.

Он взял, хотя собирался сказать, что некогда. До половины одиннадцатого оставалось больше часа. На еду это распространялось тоже.

***

У дома №86 отражение фонаря вытянулось между восточными плитами одной дрожащей полосой. Аркадий остался на верхней площадке. Из-за угла вышла Полина в мокрой куртке.

Лариса стояла на крыльце.

— Ты же обещала.

— Я вернулась.

— Это я вижу. Я просила не уходить.

— Мам, не сейчас.

Полина прошла мимо Аркадия. На одной штанине, выше сапога, темнела грязь. Он услышал, как она поставила что-то за дверью своей комнаты.

Лариса смотрела на дорожку.

— Вам звонить надо было. С той стороны теперь не подходите.

— Я сверху.

— Хорошо. К пристройке с улицы уже не ходить.

Она указала на восточный подход. Вода закрывала низкую ступень у наружного входа моечной; край следующей ещё выступал.

Позвонила Галина: оставшийся пакет сухих вещей собирались принести с нижней стороны — можно ли?

— Нет. У восемьдесят шестого восточная дорожка в воде. Сверху пока подходят.

— Пришлите, что там. А то мне пишут: «Уже всё».

На первом снимке от фонаря получилось белое пятно. Аркадий шагнул в сторону, не сходя с площадки; Лариса опустила луч. Теперь видны были ступень и край стены.

Он отправил фотографию в рабочую переписку: «Снято сейчас. №86, восточная дорожка у моечной. Здесь вещи больше не носим». Над сообщением стояло 21:21.

Галина ответила: «Принято. Направляю сверху».

— У Веры устроились? — спросила Лариса.

— Двое. Всё есть. Полотенца передал.

— Хорошо. А у нас ещё постели. Пол вытереть надо.

Из дома позвала Алла:

— Лара, маленьких пакетов нет?

— Под раковиной.

— Там только большие.

— Сейчас найду.

Аркадий хотел предложить закончить с матрасами сразу, но в прихожей стояли мокрые сумки, а Полина уже шла с ведром и тряпкой.

— Мне с поворота сухой пакет передадут. Заберу и вернусь. До половины одиннадцатого закончим.

— Постараемся.

— Не вы постараетесь. Я про себя.

Лариса устало усмехнулась.

На верхней дорожке ему встретился мужчина с двумя свёртками в чёрных мешках.

— К Сомовой тут?

— Через переднее крыльцо, с верхней стороны.

— Мне сказали, к сараям уже никак.

— Восточную дорожку закрыли для переносов. Она ниже, в воде.

— Ну, значит, туда не ходить.

Аркадий посмотрел ему вслед. Фраза стала короче ещё за один разговор. Он достал телефон, чтобы уточнить сообще-

ние, и увидел, что восточную дорожку уже назвал. Повторять не стал: для мешков сейчас был указан верный путь.

У поворота, под тентом, стоял Антон. На доске лежали инструментальная сумка и телефон в прозрачном чехле. Антон снял запертую дверцу распределительного шкафа, затем основание опоры, возле которого собиралась вода.

— Посветить? — спросил Аркадий.

— На табличку. Слева.

Антон сделал ещё один снимок, проверил и отправил вместе с коротким сообщением.

— Для отчёта?

— Состояние после отключения и где вода сейчас. Шкаф другой, не тот, который днём снимал. Чтобы потом не перепутать.

— У Сомовой на восточной ступени уже стоит.

— Здесь к основанию подходит. Внутрь пока не дошла. Я оградил, никто не должен лезть.

Между столбиками была натянута лента.

— В высоких домах свет останется?

— Пока да. Если потребуется ещё отключать, предупредим. Самим ничего не включать. И тем, кто снизу приходит, передайте: если у них темно, это не значит, что любой провод можно брать руками.

— Уже передавали.

— Передайте ещё.

Доска под сумкой покрылась косыми дождевыми штриха-

ми. Антон убрал телефон. Аркадий запомнил табличку, на которую светил: снимок относился к этому шкафу. До ступени у моечной отсюда было не видно.

Из-за тента появился Семён с пустой хозяйственной тележкой.

— Тебе пакет оставили. Серый, на скамье. Одеяло и два комплекта. Утром без хозяйки не отдавать, подписаны изнутри.

— Записка есть?

— В пакете.

Свёрток оказался широким, с тонкими ручками.

— На этой отвезу, — Семён кивнул на тележку. — Мне по дороге.

— Вы же уже Аллу отвели, — обратился к нему человек из-под тента.

— Отвёл.

— А я думал, это вы с ней опять были.

— Не со мной.

Человек вернулся к разговору по телефону. Семён нагнулся укладывать пакет.

— Она выходила? — спросил Аркадий.

— Я с ней сейчас не шёл.

— Мне у Ларисы сказали, все на месте.

— Когда сказали, могли быть на месте.

Аркадий почувствовал, что злится на собственную аккуратную строку. Шестеро прибыли, он отправил, Орлова по-

лучила. Но люди продолжали выходить за порог и менять решения.

— Выходы нам для размещения не нужны. Если только кто-то не вернулся…

Антон поднял голову.

— С нижней улицы не вернулся — сразу звоните. Не ждите утра.

Они оба кивнули.

Тележку повели по верхней дорожке. У низкого места пришлось взять к забору; колесо соскользнуло с твёрдого края. Аркадий подхватил пакет.

— Не поднимай, — сказал Семён. — Назад сдам.

— Здесь корень.

— Вижу. На корень и заведу.

Дальше катили молча. Дождь шуршал по пакету, вода с рукавов стекала на руки. Возле №86 Семён помог снять свёрток и развернул пустую тележку.

— Теперь домой. Если опять пойдёшь кого-нибудь проверять, меня не зови.

— У меня до половины одиннадцатого.

— У тебя — да.

Он поднял воротник и ушёл.

Вадим стоял на крыльце с прямоугольным пластмассовым футляром. На крышке темнели капли, ручка была обмотана ремнём.

— Тяжёлое? — спросил Аркадий.

— Нормально.

— На общую полку поставить?

— Сам уберу.

— Что забрали?

Вадим помедлил.

— Насос. Оборудование для работы.

— Антону скажите, если электрическое подключать собираетесь.

— Не собираюсь. В футляре полежит.

Из прихожей показался Глеб.

— Проход свободен?

Вадим поднял футляр.

— Сейчас.

Они разминулись. Глеб вынес пустую канистру.

— Не та, что питьевая? — спросил Аркадий.

— Та, которую уже выпили. У меня не было задачи привезти воду и увезти обратно.

Заметив салфетку у него в кармане, Глеб кивнул:

— Вас кормят с собой?

— Вера Андреевна.

— Садитесь. Здесь пока никто не спит.

До десяти оставалось несколько минут. Аркадий сел на скамью в прихожей и съел оба ломтя, пока Глеб переставлял канистру подальше от двери. Оказалось, что он очень голоден.

Из спальни Лариса спрашивала Аллу, не жмёт ли сухая

кофта. Та отвечала, что всё хорошо, и начинала благодарить.

— Руку подними, — перебила Лариса. — Не эту. Вот, теперь складка ушла.

В большой комнате Вадим открыл футляр, взглянул внутрь и снова защёлкнул замки. Содержимого Аркадий не видел. Вставать, чтобы посмотреть, не стал.

***

В десять с небольшим позвонила Орлова. Аркадий вышел на переднее крыльцо, чтобы не повышать голос.

Новых перевозок к двум принимающим домам на ночь не планировали. Одну семью родственники заберут утром; женщина у Веры связалась с дочерью. По тем, кто оставался ниже, работали службы.

— Значит, мне вниз не идти, — повторил Аркадий.

— Да. У Сомовой закончите и домой. Галина передаёт мне телефон. До полуночи я на связи, потом по срочным вопросам — как договорились со службами. Новых поручений не берите.

— У нас ещё матрасы.

— Матрасы доделайте. А утро сегодня не планируйте.

Когда он вернулся, Полина поднимала с пола последнее ведро. Доски большой комнаты ещё были влажными, но уже не блестели.

— Теперь можно. Только обувь снимите.

Глеб посмотрел на свои носки.

— Я с восьми часов без обуви. Это заметно по характеру.

— Тогда берите дальний конец.

Первый матрас вытягивали из бельевой втроём: Глеб спереди, Аркадий сбоку, Полина удерживала сворачивающийся угол. Чехол зацепился за выступ косяка.

— Назад, — сказал Аркадий.

Глеб отступил, но Полина продолжала тянуть.

— Сначала назад, потом повернём.

— Он опять свернётся.

— Пусть. Косяк не свернётся.

Она отпустила угол. Матрас согнулся, и они вынесли его в комнату. Вадим убрал сумку от двери, помог расправить чехол.

— Ночью вас задевать будут, — сказал Аркадий.

— Я выбрал.

— Подушку от двери разверните хотя бы.

Вадим развернул без спора. Полина накинула простыню и опустилась на колено подоткнуть край.

Лариса вышла из спальни в сине-сером рабочем халате, с маленькой подушкой в руках.

— Низко ей. Сверну пока одеяло.

— В моечной большие есть, — напомнила Полина.

— Знаю. Пока это положу.

Алла сидела на кровати, опираясь ступнями на табурет. Лариса убрала его, поправила одеяло и помогла ей лечь выше.

— Так?

— Теперь хорошо. Лара, ты сядь хоть на минуту.

— Сейчас второй матрас вынесем, и всё.

Аркадий вернулся в бельевую. Второй матрас предназначался на диван: старая пружина продавливала обивку. Он был тоньше первого, но длинный, с неудобно пришитыми ручками.

— Вы за середину, — предложил Глеб.

— Тогда не пройдём.

— В вашем хозяйстве всё надо сперва не пройти.

— Зато потом проходим.

Они подняли матрас на ребро. У кухонной двери стояла Ксения, стягивая мокрый шарф. В другой руке она держала сумку. Когда вошла, Аркадий не видел.

— На скамью поставьте, — сказал он. — Здесь сейчас таскать будем.

— Я пройду за вами.

— Общая полка свободна.

Она прижала сумку к боку.

— Мне пока удобнее при себе.

— Хорошо. Только дверь придержите.

Ксения открыла шире, а когда они прошли, отступила в бельевую к шкафу.

Матрас лёг на диван. Глеб разгладил край, сел, проверяя пружину.

— Теперь до утра ничего большого не передвигаю.

— Подушка ещё, — сказала Полина.

— Маленькая. Её рассмотрим отдельно.

Аркадий вернулся за оставленным ремнём. Заодно сдвинул с прохода пустую упаковку и проверил, не оставил ли пакет у шкафа. Без матрасов бельевая сразу стала шире: между шкафом и стеной теперь можно было развернуться с ведром. Застеклённая задняя дверь открывалась свободно.

Снаружи что-то постукивало. Он отворил дверь — ветер гонял у порога пустой пластмассовый совок. Аркадий поднял его и поставил за коробку под козырьком.

Западные плиты были мокрыми от дождя, но вода на них не стояла. Луч фонаря выхватил две светлые плитки, траву за краем и тёмную полосу дальше вдоль стены. До моечной он не пошёл. Закрыл дверь.

Ксения стояла у шкафа, держа сумку за обе ручки.

— Здесь можно ненадолго?

— Я не хозяин.

— Я у Ларисы спросила.

— Тогда можно.

Она чуть усмехнулась.

— Спасибо, что напомнили.

Он понял, что ответил резче, чем требовалось.

— Я за ремнём. Всё, выносы закончили.

Взял ремень и вышел, не спрашивая, зачем ей оставаться здесь, когда в комнате наконец готово место.

На кухне Полина складывала тряпки в ведро. Лариса вытирала Алле очки: с линзы никак не уходила мутная полоса.

— У меня салфетка есть, — сказала Алла.

— Твоей уже вытирали. Дай эту попробую.

— Я без очков всё равно спать буду.

— А до сна что-нибудь увидишь.

Лариса подняла очки к свету, повернула и вернула. Алла надела их, посмотрела на Аркадия.

— Совсем другое дело. Вы тоже садитесь. Она сейчас чай сделает.

— Мне пора.

— Вы столько с нами…

— Матрасы закончены. Завтра остальное.

Лариса поблагодарила. Аркадий показал, где повесил ремень, напомнил про серый пакет с подписанной постелью: утром хозяйка сама решит, куда забирать.

— Запомнила.

Полина появилась с пустой наволочкой.

— Ещё одну широкую где взять?

— В среднем ящике, с синими полосками. Только не нижний открывай, там скатерти.

Аркадий не стал ждать, пока найдётся наволочка. Руки в доме были. Он надел куртку, проверил фонарь и попрощался.

Глеб поднял ладонь с дивана.

— Завтра без матрасов.

— Посмотрим.

— Не обещайте им ничего.

Аркадий улыбнулся и закрыл за собой дверь.

***

На телефоне было 22:21.

Он написал Орловой: «№86. Постели разложены, перенос матрасов закончен. Вечернюю работу заканчиваю, иду домой. Неотложных просьб от хозяев нет». Марине сообщил, что вышел, пойдёт верхней дорожкой и напишет из дома.

Орлова ответила: «Приняла. Дальше звонки ко мне».

Из-за двери доносились голоса, скрип стула, звон ложки о чашку. Аркадию хотелось вернуться и убедиться, что Вадиму хватит места. Но Вадим выбрал его сам, матрас лежал, никто не просил передвигать ещё раз.

Он убрал телефон и пошёл к калитке.

У сорок пятого участка светилась веранда. Вера открыла дверь, вынося ведро с водой от мокрой одежды.

— Закончили?

— Да. Раньше половины.

— На сколько?

— На девять минут.

— Щедро.

Он принял ведро, вылил воду в указанное место подальше от ступеней.

— У вас тихо?

— Одна легла. Вторая ищет футляр от очков. Без футляра они, оказывается, ночью обязательно ломаются.

— У меня без футляра тоже.

— Значит, я просто не знаю правил.

Она поставила ведро у стены. На её рукаве белела нитка от полотенца. Заметив взгляд Аркадия, Вера сняла её и скатала пальцами.

— Поешьте дома.

— Ваш хлеб съел.

— Хорошо.

— Утром что-нибудь принести?

Она подумала.

— Пока ничего. Я сама позвоню. Не приходите раньше, чтобы нас не будить.

— Тогда не приду.

Вера посмотрела с лёгким сомнением.

— Правда, — добавил он.

— Я услышала с первого раза.

Они ещё немного постояли под козырьком. Дождь бил по крышке ведра; Вера ногой задвинула его глубже. Из комнаты её позвали.

— Иду, — ответила она и тише сказала Аркадию: — Спокойной ночи.

— Вам тоже.

Он дождался, пока дверь закроется.

Дома на веранде стояли утренние горшки. Один посреди прохода — Аркадий сам оставил его там, собираясь вернуться через минуту. Он переставил только этот один. Рубашки Елены на стуле накрыл сухой тканью, чтобы не задеть мок-

рой курткой. Коробку с прищепками не тронул.

Переодевшись в привезённые Мариной брюки, написал: «Дома. Всё нормально». Она ответила: «Хорошо. Спи».

Аркадий налил воды в чайник. На свободном кухонном столе остались хлебница и чашка. Тетрадь он отнёс в пристройку, вытер обложку и открыл на вечерних записях.

Возле восточной дорожки указал, кому отправил снимок. Ниже отметил, что матрасы из бельевой вынесены до его ухода. Время поставил только возле собственной последней строки: «22:21 — закончил, вышел».

У шести имён не стал дописывать «устроены на ночь». Они могли ещё переставить подушку, выйти на кухню, позвонить кому-нибудь. Для всего, что происходило в доме после его ухода, в тетради не было ни времени, ни места.

Утром предстояло узнать, кому нужен транспорт и что ещё привезти. Сейчас за стеной начинал шуметь чайник. Аркадий закрыл тетрадь, погасил свет в пристройке и пошёл на кухню, оставив остальные дела до звонка.

Глава 4. Утро у пристройки

Аркадий отрезал хлеб на четверых, хотя ещё не знал, кому понадобится завтрак.

Вера обещала позвонить сама. У Ларисы оставались крупа, яйца и почти целая буханка. Он убрал два ломтя в хлебницу, остальные оставил себе.

Дождь стал мельче. Ночью Аркадий просыпался от воды в желобе; теперь по крыше ударяли отдельные капли. Ботинки подсыхали на веранде, сапоги внутри оставались влажными. Сначала позавтракать, потом узнать у Орловой про транспорт. До звонка Веры можно освободить стул с рубашками Елены — только переставить их подальше от мокрой одежды.

Телефон завибрировал возле тарелки.

— Аркадий Сергеевич, вы дома? — спросил Вадим.

— Дома.

— Тут Глеб. В пристройке. Я позвонил уже.

Аркадий положил нож.

— В какую службу?

— В сто двенадцать. Мне сказали… Я всё сделал, что сказали. Они едут. Не понимаю, мне оттуда уходить или…

Кто-то позвал его.

— Да не трогаю я больше! — ответил Вадим не в телефон.

— Вы сейчас где?

— У дома. Полина здесь. Мать у них в комнате. Вы можете прийти? Я ей не могу объяснить.

— Что вам поручили?

— Встретить. Машина сверху будет.

— Встречайте. Уточню дорогу и подойду. Если служба звонит — сразу прерывайте наш разговор.

Вадим отключился. Орлова ответила хриплым со сна голосом:

— Знаю. Машину пропускают от верхнего поворота. Там дежурные ещё с ночи.

— До передней калитки можно по верхней дорожке?

— Только по ней. Сейчас подтвердили. Дальше калитки сами ничего не проверяйте.

— Вадим просил прийти.

— Поняла. Мне пока здесь надо остаться.

Аркадий выключил плиту; чайник не успел закипеть. Тетрадь сунул в прозрачный пакет вместе с телефоном и тут же вынул телефон обратно. Приходилось проверять даже привычные движения.

Марине написал: «Вызвали к №86. Человеку плохо, службы уже едут. Иду верхом. Позже сообщу». Других слов, которым можно было доверять, пока не было.

Вчера под фонарём вода казалась отдельными лужами; теперь между заборами тянулась сплошная тусклая поверхность. Из неё торчали трава, угол перевёрнутого ведра, перекладина калитки. Верхняя дорожка позволяла идти в обыч-

ных сапогах. Аркадий держался середины, где видел твёрдый грунт.

У восемьдесят шестого стояла скорая, дальше — служебная машина с включёнными огнями. Мужчина в защитной одежде придерживал калитку, пропуская медика с сумкой.

— Вы к хозяевам?

— Вадим Зубов позвал. Лунёв.

— На переднее крыльцо. Вдоль дома не проходите.

С западной стороны вода доходила до приподнятой полосы, местами закрывая её. Двое в высоких сапогах шли к пристройке. Передний посветил под ноги, проверил следующий шаг и лишь тогда пропустил медика.

Вадим ждал под козырьком. Куртку застегнул неровно, ладони держал перед собой, словно вымыл и не нашёл полотенца.

— Я через наружную дверь увидел, — сказал он вместо приветствия. — С востока. Открыта была.

— Расскажете сотруднику.

— Уже рассказал. Сначала подумал, он что-то достаёт. Там ёмкость. Потом увидел, что он не…

Он посмотрел мимо Аркадия. У восточной стороны пристройки работал ещё один человек; с крыльца были видны край открытой двери и мокрый порог. Вчера здесь прекратили носить вещи. Сегодня к двери добрались при свете, в защитном снаряжении. Одно не объясняло другого.

— За плечо его брал, — продолжил Вадим. — По теле-

фону велели проверить. Я не просто так туда полез.

— Скажите, где стояли и что делали. По порядку.

— Сказал. Теперь кажется, что не всё.

Из дома вышла Полина в длинном кардигане поверх футболки.

— Мама вас звала?

— Вадим.

Она взглянула на него и повернулась к мужчине у калитки:

— Я могу показать, где со стороны бельевой.

— Подход проверяют. Оставайтесь здесь, пожалуйста.

— Я же не к нему. Дорогу показать.

Мужчина повторил просьбу. Полина освободила ступень и только тогда заметила, что стоит в домашних тапочках. Посмотрела на них с раздражением, будто это тоже было сделано кем-то другим.

***

Из комнаты звала Алла. Вадим прошёл в дом, но остановился у её двери.

— Мам, врачи.

— К кому?

Лариса вышла из кухни с полотенцем.

— Дай ему вытереться. Он весь мокрый.

— Мам, оставь полотенце, — сказала Полина.

— Почему? Он дрожит.

Вадим взял полотенце и зажал между ладонями.

— Ларис, что случилось? — спросила Алла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.